

**ЭМИЛИ
ДИКИНСОН**

«Я УМЕРЛА ЗА КРАСОТУ...»

Санкт-Петербург

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В отличие от других русских изданий Эмили Дикинсон, в этой книге стихи расположены не хронологически, а по темам. Это очень старая традиция. По тематическому принципу был составлен уже первый посмертный сборник Дикинсон 1890 года (в который вошла лишь малая часть ее стихотворений), а также большинство последующих — вплоть до середины XX века. Лишь в 1950-е годы Томас Джонсон издал первое научное собрание стихотворений, где предложил и хронологический (предположительно) порядок, и нумерацию стихотворений, которая прижилась и с тех пор широко используется.

Стихи Дикинсон, несмотря на их лаконичность и простоту формы, совсем не просты, а порой даже загадочны. Разделение стихов по темам — шаг навстречу читателю, чтобы он мог постепенно войти в мир этой необычной поэтессы, понять ее сперва хотя бы на первом уровне смысла, и, полюбив, двинулся бы дальше вглубь ее поэзии.

А предложил тематический порядок критик Томас Хиггинсон, первый профессиональный чита-

тель стихов Эмили Дикинсон, с которым она состояла в переписке почти двадцать лет. Он также посоветовал дать названия стихотворениям, и составительница книги Мейбл Тодд приняла оба предложения. Разумеется, издатель тоже их поддержал.

Идея оказалась удачной: первая книга Дикинсон, напечатанная сначала робким тиражом 480 экземпляров, выдержала одиннадцать переизданий в течение двух лет, и читатели вскоре потребовали все новых и новых стихов.

В этом издании мы не во всем последовали предложениям Хиггинса. Названий стихотворениям мы, конечно, не давали, потому что заголовок — органическая часть стихотворения и право на него принадлежит только автору. Что касается компоновки, то это другое дело: практически все составители так или иначе группируют стихи — если только сам поэт ясно и определенно не объединил их в циклы и книги.

Конечно, стихотворение Дикинсон редко можно отнести только к одной теме. И все же, предлагая какой-то главный или просто более очевидный ее вариант, мы даем возможность читателю самому обнаружить другие темы и мотивы, которые переплетаются в стихотворении, придавая ему движение и драматизм, образуя, как в музыке, аккорды и контрапункты смысла.

Мы надеемся, что читатель, впервые знакомящийся с творчеством Эмили Дикинсон, оценит такое построение книги, призванное помочь легче ориентироваться в ее поэзии. Для более искушен-

ных читателей, желающих сравнить перевод с подлинником, в конце книги дается алфавитный указатель, где приводится первая строка оригинала и его номер по Джонсону.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН – СУДЬБА И СТИХИ

Никто меня не звал — на Бал...

Э. Дикинсон

Судьба Эмили Дикинсон похожа на сказку о Золушке. Это история скромной, никому не известной девушки, в финале сделавшейся принцессой: любимый сюжет популярной литературы и кино, мгновенно доходящий до сердца любого простого американца. Несомненно, в любви широкого читателя к Эмили (поэтессе совсем непростой) «повинны» не только ее стихи, но и этот узнаваемый сюжет, этот архетип, подсознательно влияющий на наше восприятие.

Даже в единственном достоверном изображении Эмили Дикинсон (копии с дагеротипа 1847 года) мы склонны увидеть милые нам черты Золушки — скромность, искренность, доброту и ту прелесть живого ума, которая составляет самую сердцевину этого характера.

Жизнь не была справедлива к Эмили. Ни путешествий, ни замужества, ни своей семьи. Уединенная жизнь в маленьком городке, откуда Эмили практически никогда никуда не уезжала. При необычайном поэтическом даре — полная безвестность; а ведь она знала себе цену — легко ли было
8 такое вынести? Как говорила добрая фея в сказке

Евгения Шварца: «Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь».

Фея, Золушкина крестная, в конце концов превратила для нее тыкву в карету и крысу в кучера. А для Эмили и бал, и прекрасный принц случились уже посмертно, за пределами земной жизни...

* * *

Сто пятьдесят лет тому назад произошло, казалось бы, незначительное событие, но оно оказалось одной из самых памятных вех в истории американской литературы. В апреле 1862 года журналист Томас Хиггинсон из Бостона получил письмо от неизвестной ему читательницы. К письму были приложены четыре стихотворения, а начиналось оно так:

«МИСТЕР ХИГГИНСОН, — если только Вы не слишком заняты, скажите, есть ли жизнь в моих стихах?»

Мой ум слишком близок к себе самому, он не может ясно видеть, а спросить мне некого.

Если Вы сочтете, что они дышат, и найдете время написать мне, ответом будет моя живая благодарность».

Т. Хиггинсон комментирует: «На конверте стояла почтовая печать „Амхерст“, а само письмо было написано таким странным почерком, как будто автор учился буквам, изучая окаменелые следы, оставленные доисторическими птицами в музее Амхерстского колледжа. Тем не менее письмо ни в коей мере не было неграмотным, наоборот — оно

несло отпечаток утонченного, странного и оригинального ума». Странным было многое — и почти полное отсутствие пунктуации (за исключением тире), и написание существительных с большой буквы, как в немецком или в старом английском языках. Но больше всего удивляло то, что письмо не имело подписи, зато в конверт был вложен еще один маленький конвертик, и вот в этом конвертике сообщалось имя отправительницы, написанное почему-то карандашом.

Такова была первая попытка выйти к читателям, может быть, лучшей из поэтесс, когда-либо писавших на языке Шекспира, — Эмили Дикинсон.

Обратите внимание на то, как автор письма с первой же фразы попадает в цель. Она не спрашивает: хорошие это стихи или плохие, есть у нее способности или нет и так далее — как обычно спрашивают начинающие поэты. Вопрос нацелен в самую точку: *живые стихи или мертвые?* Быть живой — главное свойство настоящей, «долгоиграющей» поэзии. Великий поэт не так уж сильно выделяется среди своих современников; наверняка среди них есть не менее образованные, умные, оригинальные и обладающие прекрасными душевными качествами люди. Разница лишь в том, что они не умеют превратить это в стихи, перелить себя в стихи. Их рука и перо не могут стать единым проводником, соединяющим мысль пишущего и бумагу. Только поэт обладает этим загадочным свойством — одушевлять столбики слов и наделять их самостоятельной жизнью — так, что они могут су-

ществовать и беседовать с нами многие десятилетия после того, как навсегда замрет написавшая их рука.

У колумбийского писателя Николаса Гомеса Дэвила есть замечательная фраза: *«Подлинные произведения искусства взрываются в стороне от своего времени, как снаряды, оставшиеся на поле боя»*. Это как будто сказано про Эмили Дикинсон. Только разрыв этой бомбы был не разрушительным, а созидательным. Ныне город, в котором она жила, американцы называют родиной «затворницы из Амхерста», а ее дом стал музеем и местом паломничества тысяч туристов, ежегодно пополняющих казну горожан. Стихи Э. Дикинсон изучают в школах, о ней пишут ученые монографии и книги для детей.

Биографическая канва жизни поэтессы проста и хорошо известна. Семья Дикинсон занимала почтенное положение в своем маленьком городке в штате Массачусетс. Дед Эмили был одним из основателей Амхерстского колледжа, отец служил казначеем колледжа, одновременно занимаясь адвокатской практикой и политической деятельностью — однажды он даже избирался в Палату представителей Конгресса США. Выросшие дети не разлетелись из гнезда: старший брат Остин, женившись, жил в соседнем доме, младшая сестра Лавиния, как и Эмили, не вышла замуж.

Главным событием молодости Эмили стала дружба с адвокатом Бенджамином Ньютоном, проходившим практику в конторе ее отца. Он руководил ее чтением, учил восхищаться великой поэзией,

понимать красоту и величие мира. В 1850 году он уехал из Амхерста, а три года спустя умер. Много позднее Дикинсон вспоминала: «Когда я была еще совсем девочкой, у меня был друг, учивший меня Бессмертию, — но он отважился подойти к нему слишком близко — и уже не вернулся».

В разлуке с Ньютоном у Эмили созрела мысль посвятить свою жизнь поэзии. Но после смерти старшего друга источник ее стихов пересох. Новое дыхание пришло в конце 1850-х годов, в разгар ее эпистолярного романа с женатым священником из Филадельфии Чарльзом Уодсвортом. Была ли это любовь, душевная привязанность или мистическая близость, ясно одно — это было чувство исключительной интенсивности. Оно породило настоящий творческий взрыв: подсчитано, что только за три года, с 1862-го по 1864-й, Эмили написала более семисот стихотворений.

В 1862 году случилось так, что Эмили Дикинсон завязала переписку с известным в Новой Англии литератором Томасом Хиггинсоном, сделавшимся на многие годы ее постоянным корреспондентом и «поэтическим наставником», а также издателем первого сборника ее стихов — но уже посмертного.

Слова «поэтический наставник» взяты в кавычки, потому что отношения поэтессы и критика были своеобразными: в каждом письме Эмили просила у Хиггинсона оценки и совета, называла себя смиренной ученицей, но ни разу не воспользовалась его советами и продолжала все делать по-своему. А он указывал на просчеты и огрехи в ее

стихах: неправильные ритмы и рифмы, странную грамматику — на все то, что было индивидуальной, во многом новаторской манерой Дикинсон и что сумели в полной мере оценить лишь критики XX века.

Литературное наследие Эмили Дикинсон — около тысячи восьмисот стихотворений, по большей части найденных после ее смерти в комодке, а также три тома писем, причем многие из них не менее замечательны, чем ее стихи. Особенно интересны первые письма Томасу Хиггинсону, где она несколькими штрихами набрасывает свой портрет и рассказывает о себе главное.

Внешность:

«Я не вышла ростом, как мне кажется... Я маленькая, как птичка-крапивник, и волосы у меня грубые, как колючки на каштане, а глаза — как вишни на дне бокала, из которого гость выпил коктейль. Ну как?» (Когда через восемь лет Т. Хиггинсон заехал к ней в гости, он увидел перед собой «маленькую некрасивую женщину», — если верить тому, что он сообщил в письме жене, но ведь благоразумный муж и должен был написать «некрасивую» — во избежание семейных осложнений.)

О друзьях и занятиях:

«Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец... Думаю, Карло понравился бы Вам — он храбрый и глупый... Когда я маленькой девочкой часто ходила в лес, мне говорили, что меня может укусить змея, что я могу сорвать ядовитый цветок или что гномы могут меня похитить,

но я продолжала ходить в лес и не встречала там никого, кроме ангелов, которые меня стеснялись больше, чем я их...»

О своих стихах:

«Я не писала стихов — разве что одно или два до этой зимы, сэр. Я испытывала страх — начиная с сентября — и не могла никому рассказать об этом — и я пою, как мальчишка поет на кладбище, потому что боюсь...

Умирая, мой Учитель говорил, что хотел бы дожить до того времени, когда я стану поэтом, но Смерть оказалась сильнее, я не смогла совладать с ней. И когда много позже неожиданное освещение в саду или новый звук в шуме ветра вдруг захватывали мое внимание, меня сковывал паралич — только стихи освобождали от него...

Я счастлива быть Вашей ученицей и заслужу доброту, за которую пока не могу отплатить... Будете ли Вы указывать на мои ошибки — честно, как самому себе? Я не умру — только поморщусь от боли. К хирургу обращаются не за тем, чтобы он похвалил вашу кость, а чтобы вправил ее... Ведь я всего лишь кенгуру в чертогах Красоты...»¹

До двадцати пяти лет Эмили была обычной культурной барышней, ничем особенно не выделявшейся из своего круга; но чем глубже она погружалась в писание стихов, тем больше ее внутренний мир вытеснял внешний. С 1864 года она уже не покидала Амхерст, с 1870-х практически не выходила из дома. Одной из причин была болезненная стесни-

¹ Отрывки из писем Э. Дикинсон здесь и далее даются в переводе А. Гаврилова; стихи — в переводе автора статьи.

тельность, следствие обостренной чувствительности, — она воспринимала все так остро, что прямой контакт с окружающим миром ранил ее. Другой причиной было сознательное самоограничение:

Кто так не жаждал — тот не знал
Безумия глубин —
Пир воздержания затмит
Пиры обычных вин.

Когда желанное у губ —
Но капли не испей —
Чтоб грубо не расторгла явь
Сверкающих цепей —

Да и к чему экипажи и поезда, если воображение может гораздо больше?

Страницы книги — паруса,
Влекущие фрегат,
Стихи быстрее скакуна
В любую даль умчат...

Так постепенно она превращалась для соседей и знакомых в «эту странную мисс Дикинсон» — впрочем, неизменно доброжелательную к людям, но предпочитавшую жизнь добровольной затворницы. Нет, она не разорвала связей с миром, но они все более принимали эпистолярный характер. В числе друзей Эмили по переписке были ее кузины Луиза и Франсис Норкросс, редактор газеты «Спрингфилд рипабликен» мистер Холланд и его жена Элизабет Холланд, блестящий журналист и со-редактор той же газеты Сэмюэл Боулз, упомянутые уже Чарльз Уодсворт и Томас Хиггинсон, жена преподавателя Амхерстского колледжа миссис Мейбл

Тодд, судья Отис Лорд (последняя любовь Эмили), а также жена брата Сюзен, жившая в соседнем доме, но постоянно получавшая от поэтессы записки и стихи.

Так что не нужно думать, что Эмили писала только «в стол», у нее был целый круг друзей, и она регулярно, начиная с 1860-х годов посылала им свои стихотворения, некоторые — сразу нескольким адресатам.

Здесь возникает неожиданная параллель с Джоном Донном, основоположником «метафизической школы»: он ведь тоже писал для узкого круга друзей и знакомых, стихи поэта были изданы через два года после его смерти.

Эмили Дикинсон не читала Донна (в то время почти забытого), она знала и любила лишь его позднего последователя Генри Возна, тем не менее родство ее поэзии с «метафизической школой» прослеживается довольно четко. Например, склонность к неожиданным сравнениям и привлечение в стихи материала естественных наук. У Донна это астрономия, география, медицина, алхимия, физика и цифрология. В стихах Дикинсон сходным образом встречаются и «электрический покой» (физика), и «карбонаты» (химия), и «экспонента дней» (математика), и специальные термины из астрономии и ботаники. Еще более важно, что у Дикинсон, как и у Донна, внимание сосредоточено на последних вопросах бытия — душа, смерть, бессмертие. Ее стихи о смерти по своему числу и концентрации могут соперничать с погребальными элегиями и «священными сонетами» поэта-священника.

Смерть, отопри Врата —
Впусти своих овец!
Скитаньям положи предел,
Усталости — конец.

Твоя Овчарня — ночь,
Озноб и тишина —
Невыносимо Ты близка —
Немыслимо нежна.

В ряде стихов Эмили Дикинсон, так же как у испанского поэта XVII века Хуана де ла Круса, происходит мистическое слияние Души в образе Невесты с ее возлюбленным Женихом. Воспринимать их можно в двух планах — как выражение земной любви и любви небесной, обращенной к Богу.

Титул божественный — мой!
Без аналоя — Жена!
Императрица Голгофы —
Вот как я наречена!

Эти стихи 1862 года (и некоторые другие «новобрачные стихи» того же периода) обычно связывают с Чарльзом Уодсвортом, к которому Дикинсон испытывала нежную преданность. Но адресат здесь не важен, важна сама страсть — безудержная эманация любви, исходящая из одинокого женского сердца.

Что-то в этом накале чувства — всепоглощающего и затаенного, скованного «сверкающею цепью» самоограничения, — есть отчетливо монашеское. Кажется, примерно в середине 1860-х годов Дикинсон окончательно избрала свою добровольную схиму. В это же время она и начала носить

простое белое платье — наряд, ставший неременной деталью образа затворницы из Амхерста.

А было это — видит Бог —
Торжественное дело —
Стать Непорочной Тайною —
Стать Женщиною в Белом —

Святое дело — бросить жизнь
В бездонную Пурпурность
И ждать — почти что Вечность — ждать —
Чтобы она — вернулась —

Пурпурный цвет у Дикинсон — цвет триумфа и славы. Она бесконечно сомневалась в себе, самоуничижалась, и все-таки сознание своей поэтической правоты не оставляло поэтессу. Недаром в ее предсмертной записке есть лишь два слова: «Called back».

«Отозвана».

Если отозвана, значит была призвана — значит, верила в свое призвание, послание. В то, что — говоря словами Марины Цветаевой — «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Эмили Дикинсон сказала о том же иначе:

Мы вырастаем из любви —
И прячем вещь в комод —
Пока на бабушкин фасон
Вновь мода не придет.

Дикинсон нередко сравнивают с Цветаевой — по увлекающемуся складу характера и по внешнему виду ее стихов, разорванных многочисленными тире. Сходство действительно есть. В письмах —